

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕАКЦИОННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ НА ЭТНОГРАФИЮ ФРАНЦИИ

Во французской исторической науке в настоящее время идет острая борьба между реакционными течениями буржуазной историографии и прогрессивным направлением, возглавляемым историками-коммунистами, вооруженными марксистско-ленинским учением. В этой борьбе, освещенной в советской печати¹, прогрессивная историческая наука добилась значительных успехов. Однако в той области, где история соприкасается с фольклором и этнографией, некоторые реакционные теории еще не разоблачены до конца.

Пути развития современной французской социологии заслуживают специального рассмотрения. Многие из выходящих в упомянутых ниже изданиях работ представляют определенную научную ценность. Но в области социологического исследования сказывается отрицательное воздействие некоторых реакционных теорий американского происхождения. Однако это влияние охватывает лишь небольшой круг французских буржуазных ученых. Задача данной статьи ограничивается рассмотрением их работ.

Для современного состояния гуманитарных наук во Франции характерно расширение работы в области социологии. Помимо существовавшего давно Института социологии, в 1945 г. основан особый Центр социологических исследований с постоянным исполнительным комитетом. Центр социологических исследований имеет печатный орган — периодически выходящие «Международные сборники по социологии». Центр организует анкетные обследования в масштабе всей страны. Под его руководством проводятся исследования на темы о конфликте между поколениями, о распространении религиозных культов, о роли правовых норм, об «индустриальной социологии», о городской жизни и т. п. С 1948 г. Центр периодически созывает конференции («социологические недели»). Наконец, основана Международная ассоциация социологии, находящаяся под руководством ЮНЕСКО.

Наиболее крупным изданием является «Социология XX века»² под редакцией французского социолога Жоржа Гурвича и американского социолога Уильберта Мура. В сборнике, кроме ученых Франции, участвуют американцы и французы, работающие в Америке (например, Роже Бастид); меньше авторов из других европейских стран. Очерк французской социологии написан Клодом Леви-Штраусом. Перу этого же автора принадлежит несколько работ программного характера.

Начиная свой очерк «Социология XX века», Леви-Штраус в первую очередь старается установить связь между французской этнографией и современной реакционной американской социологией. Социология как научная дисциплина, пишет Леви-Штраус, была создана Огюстом Контом. Далее она была поднята на более высокую ступень в начале XX в. Эмилем Дюркгеймом и его социологической школой, группировавшейся вокруг журнала «Социологический ежегодник» («L'Année sociologique»). В наши дни социология, по словам Леви-Штрауса, получила новое развитие в трудах ближайшего сотрудника и последователя Дюркгейма — Марселя Мосса. Леви-Штраус утверждает, что современная английская и американская социология развивалась на основе и как

¹ См. Роже Гароди, О современных тенденциях французской буржуазной историографии, «Вопросы истории», 1954, № 4; С. П. Научная сессия французских прогрессивных историков, там же; Р. Гароди, Борьба Французской компартии против буржуазной идеологии, «Правда», от 11/1 1956 г.

² «La Sociologie au XX siècle». Publié sous la direction de G. Gurvitch en collaboration avec Wilbert E. Moore, Presses Universitaires de France, Paris, 1947.

продолжение французской этнографии и социологии. Социология в Англии и в США, говорит Леви-Штраус, долго страдала из-за отсутствия связи между этой наукой и антропологией (имеется в виду английский значение этого термина, т. е. этнография). Именно французская социологическая школа, пишет Леви-Штраус, установила эту связь. «В трудах Дюркгейма и Мосса нельзя отделить социологию от этнологии... Особо было у Мосса значение и влияние этнографии возобладаало»³. Этим объясняется, по словам Леви-Штрауса, влияние французской социологии на формирование в Англии и США особой отрасли социологии — «социальной антропологии» (social anthropology).

Крупнейшим современным французским социологом Леви-Штраус считает Жоржа Гурвича, профессора Сорбонны, директора Практической школы высших знаний. Однако здесь уже речь идет не о влиянии французской этнографии и социологии на американскую науку, а совсем о другом — о влиянии на некоторых современных французских социологов реакционнейших американских социологических теорий, о распространении этих теорий во Франции.

Идеалистический, махистский характер концепции Гурвича, близкий к построениям современных реакционных американских социологов, становится сразу очевидным хотя бы из такого его положения: «Социальный феномен (социальное начало) лишен смысла, так как всякий способ решения того или иного вопроса является не чем иным, как частной точкой зрения на данное явление, само по себе сложное и расчленяющееся». Гурвич ввел во французскую социологию понятие «социальной модели», которое, как он сам поясняет, соответствует термину «тип», или «модель» (pattern), некоторых американских социологов. Дальнейшие идеи Гурвича — перепев этой теории «типов», или «моделей», общества.

В советской научной литературе уже раскрыт идеалистический и расистский смысл понятия «модели», или «типа», культуры, имеющего широкое распространение в американской «социальной антропологии» со времени появления книги Рут Бенедикт «Модели культуры»⁴. Следует подчеркнуть антиисторизм этого понятия. Так как, по теории Бенедикт и ее единомышленников, «типы», или «модели», культуры не связаны между собой генетически (они «возникали и гибли»), то смысл всей концепции состоит в отрицании самого понятия культурного прогресса.

В своей книге под претенциозным названием «Современное призвание социологии» Гурвич определяет социальную модель как «более или менее стандартизованное отображение коллективного поведения». Он включает в это понятие очень многое — «от традиционных выражений и девизов, символов и знаков, принятых в обществе, до мод и временных вкусов»⁵. Социальные модели, говорит Гурвич, «как нам представляется, образуют уровень глубины общественной реальности». Он перечисляет отдельные моменты, характеризующие содержание социальных моделей: «национальные и областные группы, одежда, сельскохозяйственная и промышленная техника, манеры обращения и нормы вежливости, национальные и местные праздники, воспитание, политическая жизнь, правовые нормы, религия и мораль»⁶. «Социальные модели» Гурвич подразделяет на «культурные модели» и «технические модели». Последние направляют повседневную и вообще практическую деятельность. Культурные модели «направляют нормы морали, права, религии, искусства»⁷.

Как и «модели культуры» Рут Бенедикт, «социальные модели» Гурвича оторваны от конкретного общества и его материальной жизни, они лишены научного содержания. Это пустые абстракции, надуманные идеалистические схемы, «типы», которые должны заменить действительные конкретные этапы в развитии общества.

Далее Гурвич вводит понятие «социальной роли» — так называют современные буржуазные социологи разные стороны деятельности человека в обществе. Это понятие, заимствованное у американских социологов Джорджа Мидса, Ральфа Линтона и Карднера, Гурвич считает определяющим «для разрешения проблемы общения «Я» с окружающим его обществом со времени возникновения языка жестов, превратившегося позже в речь»⁸.

Вслед за Гурвичем этой теме посвящает Анна Мари Спёль длинную статью под названием «Понятие социальной роли в развитии личности ребенка»⁹.

Что же это за «социальная роль», которая отводится человеку? Оба автора явно проводят концепцию бихевиоризма — американского реакционного направления в

³ «La Sociologie au XX siècle», стр. 520—521.

⁴ С. П. Толстов, Кризис буржуазной этнографии, Сб. «Англо-американская этнография на службе империализма», Труды Института этнографии АН СССР, Новая серия, т. XII, М., 1951, стр. 10, 11; Н. А. Бутинов, Психорасизм в американской этнографии, там же, стр. 101; Ю. П. Францев, Деградация современной буржуазной социологии (ст. 3-я), «Вопросы философии», 1955, № 1, стр. 112, 115.

⁵ G. Gurvitch, La vocation actuelle de la sociologie, Paris, 1950, стр. 58.

⁶ Там же, стр. 59.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 65.

⁹ Anne-Marie Speule, La Notion du Rôle dans le Développement de la Personnalité de l'Enfant, «Cahiers Internationaux de Sociologie», vol. XIX, 1953.

психологии. Человек рассматривается ими только как субъект, осуществляющий комплекс поведения, различного по отношению к различным группам окружающих его людей. Эта идеалистическая механистическая концепция имеет своей задачей вырвать индивида из общества, она ведет в конечном счете к отрицанию определяющей роли общества. На такой теоретической основе, разумеется, нельзя базировать этнографию. Такой путь ведет лишь к ее ликвидации как науки.

Концепция самого Леви-Штрауса выражена в докладе «Социальная структура», опубликованном в материалах Нью-Йоркского съезда этнографов, вышедших под редакцией Крёбера¹⁰. Леви-Штраус рассматривает узловые моменты современной «социальной антропологии». Автор начинается с разъяснения, что термин «социальная структура» не имеет ничего общего с эмпирической реальностью. Наблюдение фактов и их изучение Леви-Штраус объявляет только фиксированием, которое не дает возможности делать выводы. По мнению Леви-Штрауса, выводы о народе или группе населения или о том или ином обычае можно сделать, только подвергнув изучаемую группу эксперименту, психотехническим тестам. Для изучения «социальной структуры» Леви-Штраус устанавливает два типа модели: «механическую» и «статистическую». Эти понятия с трудом поддаются определению, настолько они запутаны и затемнены их изобретателем.

Так, Леви-Штраус считает, что на основе этнографии и социальной антропологии может быть создана «механическая» модель, а история и социология дают возможность построить «статистическую» модель, которая должна быть связана с изменением исторического процесса. Для установления «механической модели» патрилинейного родства, говорит Леви-Штраус, не существенно, предшествовало ли патрилинейному родству матрилинейное и что вообще предшествовало ему. Напротив, «статистическая» модель вырисовывается на основании изучения систем родства и родовой организации в их последовательном изменении.

Разумеется, невозможно изучать общественные явления вне их исторической связи и конкретной обстановки. В своих этнографических исследованиях Леви-Штраус изучал эти связи. Он известен своими работами по общественному строю племен Южной Америки; в этих работах приводятся интересные данные о конкретных обществах¹¹. Однако новейшие построения Леви-Штрауса — это игра в схемы, оторванные от конкретного общества. Это — ухищрения, которые направлены к тому, чтобы вытравить историзм из этнографии, заменить конкретно-исторические ступени развития общества некими произвольными «моделями», «типами» вне времени и пространства. Последние теоретические построения Леви-Штрауса еще раз показывают, что современные реакционные социологи и этнографы совершенно открыто отказались от исследования конкретного общества.

Явно имея в виду в первую очередь американскую психорасистскую «социальную антропологию», Леви-Штраус стремится доказать, что сомнительная честь быть родоначальницей этой псевдонауки, взятая на вооружение империалистической буржуазией США, принадлежит французской социологии и этнографии. Выходит, что Леви-Штраус не повторяет зады современной американской реакционной социологии, а «развивает» положения, возникшие на французской почве.

Мотивы, руководящие Леви-Штраусом, а вместе с ним Жоржем Гурвичем и некоторыми другими буржуазными учеными, достаточно прозрачны. Создать себе положение не только единомышленников и последователей, но даже основоположников одной из пользующихся в настоящее время наибольшим успехом в США отраслей буржуазной науки, — задача, заманчивая для некоторых французских ученых. Этим они завоевывают себе известную роль в буржуазной Америке и могут претендовать на идеологическую и материальную поддержку ее хозяев.

С этой целью Леви-Штраус «устанавливает» преемственность между концепциями большинства ведущих американских этнографов и работами Марселя Мосса. В предисловии к сборнику статей Мосса, вышедшему уже после смерти этого крупнейшего французского этнографа, Леви-Штраус писал: «Мосс не только наметил план работ, который фактически оказался осуществленным в эти десять лет современной американской этнографией, но он сделал в то же время наиболее значительный вывод из этой новой ориентации, т. е. установил сближение между этнологией и психоанализом»¹².

Превознося Рут Бенедикт за то, что она научила этнологов и психологов описывать изучаемые ими явления «общим языком, заимствованным у психопатологии», Леви-Штраус утверждает, что Мосс «с пророческим ясновидением» высказал эту мысль в

¹⁰ «Anthropology to-day», An Encyclopedic Inventory, Chicago, 1953. См. Ю. Аверкиев, Материалы Нью-Йоркского съезда этнографов. «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 148—155.

¹¹ Claude Levi-Strauss, Contribution à l'étude de l'organisation sociale des Indiens Bororo, «Journal de la Société des Américanistes», vol. 28, Paris, 1936; The social use of kinship terms among Brazilian Indians, «Amer. Anthropologist», vol. 45, 1943; Reciprocity and hierarchy, «Amer. Anthropologist», vol. 46, No. 2, 1944; On dual organization in South America, «America Indígena», Mexico, vol. 4, No. 4, 1944, etc.

¹² Marcel Mauss, Sociologie et Anthropologie. Précédé d'une Introduction par Claude Levi-Strauss. Paris, 1950, стр. XI.

своем обращении к психологам за десять лет до американской исследовательницы. В качестве доказательства он приводит высказывание Мосса, характеризующее в духе Дюркгейма социальную жизнь как мир символических отношений: «В то время, как Вы (психологи) встречаете явления символизма редко и только как ненормальные, мы сталкиваемся с ними постоянно в бесконечном ряду явлений нормальной жизни»¹³. Леви-Штраус считает это высказывание программным и утверждает, что «все основные положения «Моделей культуры» выражены в этой формуле». Правда, он не может не прибавить, что сам Мосс «никогда не отдавал себе в этом отчета»¹⁴.

Подобным же образом Леви-Штраус приписывает Моссу предвосхищение метода психоанализа в этнографии (тестов Роршаха), пропагандируемого деятельницей американской психорасистской этнографии Маргарет Мид¹⁵.

Действительно ли, однако, американская психорасистская «социальная антропология» выросла из французской буржуазной науки?

Возражать против того, что самый термин «социология» возник во Франции и был применен Огюстом Контом, не приходится. Но основная концепция Конта пронизана идеей прогрессивного развития общества. Именно за это критикуют Конта современные реакционные социологи¹⁶.

Современная американская социология или «социальная антропология» не принимает идеи прогресса и развития общества. Поэтому нет оснований выводить ее из социологии Конта, и лучше было бы Леви-Штраусу не тревожить тени основоположника французской буржуазной социологии. Более близок к истине Леви-Штраус, когда он обращается к Эмилю Дюркгейму. Спекулируя на тезисе приоритета общества над индивидом и провозглашая господство социального начала, Дюркгейм завоевал себе большую популярность среди социологов правосоциалистической ориентации. Как известно, Дюркгейм фальсифицировал самое понятие общества. «Общество» Дюркгейма — метафизическая абстракция, некое мистическое начало *suï generis* (особого рода), в котором составляющие его индивиды «символизировали» или обоготворили себя.

Однако непосредственно к работам Дюркгейма социологи и антропологи США обращаются не так уж часто, да и Леви-Штраус ссылается не столько на Дюркгейма, сколько на Марселя Мосса. В качестве особо высокой похвалы главе французской этнографии Леви-Штраус называет его основоположником современной американской психорасистской школы, «учителем» Бенедикт и Мид.

Обратимся к работам этого крупнейшего французского ученого, чтобы установить, заслуживает ли он эту сомнительную славу.

В первых своих крупных работах Мосс исследовал проблемы магии¹⁷ и обычаи обмениваться подарками¹⁸. Недостатки его методологии особенно сказались во второй работе, которую Леви-Штраус и другие буржуазные ученые считают «шедевром» этнографического исследования. В действительности сугубо идеалистическое объяснение социальных отношений в первобытном обществе, выведение начальных форм обмена и таких обычаев, как потлач, из религиозных представлений не может быть принято как правильное решение проблемы. Однако нельзя не признать, что Мосс показал себя внимательным исследователем этнографических фактов.

Наиболее показателен последний труд Мосса, вышедший в 1947 г. под заглавием «Руководство по этнографии». Это обработанные стенограммы лекций Мосса, которые он читал в Институте этнологии в течение многих лет, с 1926 по 1939 г. По своей основной концепции Мосс остается последователем социологической школы. Он считает главным объектом этнографического исследования общество. Правда, в его определении отсутствует основное понятие общества как совокупности производственных отношений. По словам М. Мосса, общество — это «социальная группа ... более или менее крупная, но во всяком случае настолько значительная, чтобы включать в себя подразделения (группы вторичного порядка) — минимально два; — это социальная группа, живущая обычно в одном определенном месте, имеющая один язык, одно устройство и часто особые, присущие только ей традиции»¹⁹. Эта формулировка, разумеется, не может быть принята в качестве научного определения общества. Но нельзя не заметить, что она отличается от заумных, абсолютно оторванных от реальности определений «моделей» и «социальных структур» Рут Бенедикт, Леви-Штрауса и других представителей «социальной антропологии». М. Мосс все же старался подходить к обществу как к реальному историческому явлению. Говоря о «социологическом методе», Мосс подчеркивает, что он заключается «прежде всего в составлении истории данного общества»²⁰.

¹³ Marcel Mauss, *Sociologie et Anthropologie*. Précédé d'une Introduction par Claude Lévi-Strauss, стр. XV.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. XVI.

¹⁶ Ю. П. Францев, Деградация современной буржуазной социологии (ст. 2-я), «Вопросы философии», 1954, № 1, стр. 146, 147.

¹⁷ H. Hubert et M. Mauss, *Esquis d'une théorie générale de la magie*, «L'Année sociologique», XVII, Paris, 1904.

¹⁸ M. Mauss, *L'essai sur le don*, «L'Année sociologique», Nouvelle Série, t. 1, Paris, 1923—1924.

¹⁹ M. Mauss, *Manuel d'Ethnographie*, Paris, 1947, стр. 17.

²⁰ Там же, стр. XI.

Большую и наиболее ценную часть труда Мосса составляет изложение методов наблюдения, т. е. методики полевого исследования. Мосс учит составлять описание общества, используя картографию, фотографию, фонографию, филологию (лингвистику). Далее он учит внимательно изучать и описывать подразделения данного общества: племена, фратрии, роды; призывает изучать историю отдельных родов, их генеалогию, биографии отдельных членов. Только после сбора этих конкретных данных следует, по Моссу, обрабатывать их статистически, извлекать выводы общего характера.

Единственный раздел «Руководства», который заставляет вспомнить методы Маргарет Мид и ее последователей, это раздел «технологии», в который включено изучение так называемой «техники тела».

В 1936 г. в «Журнале психологии» Мосс выступил с предложением изучать особенности тех или иных комплексов движения человеческого тела, которые различаются у разных народов. Он приводит примеры не только из мира колониальных угнетенных народов, но и из жизни французов и англичан, американцев и англо-австралийцев. Общеизвестны факты, что, например, у восточных народов распространен обычай сидеть на земле или на полу, поджавши ноги. Совершенно ясно, что дело здесь не в какой-либо особой физической или физиологической конституции, но в передаваемых из поколения в поколение навыках, обычаях. Мосс сам подтверждает это положение указанием на то, что даже у одного народа — французов — на протяжении двух поколений изменилась «техника» многих движений. Он рассказывает, что его в детстве учили бегать и плавать не так, как это принято теперь. Мосс сообщает, что англо-австралийцы заимствовали у исконных жителей Австралии манеру отдыхать, сидя на корточках, чему он завидовал во время своей экспедиции в Австралии. Сходство концепции Мосса с теорией Маргарет Мид чисто внешнее, потому что Мосс не устанавливает грани между «западными», «культурными» народами, с одной стороны, и угнетенными народами колоний, с другой стороны. Кроме того, — что очень важно, — Мосс нигде не предлагает для изучения «техники тела» применять психотехнические тесты, подвергать исследуемый народ «экспериментированию», якобы совершенно необходимому, как это считает Леви-Штраус.

Мы далеки от того, чтобы не видеть идеалистического характера методологии Мосса, но нельзя отождествлять антинаучные теории современных реакционных социологов с трудами буржуазных этнографов, содержащими большой положительный материал. Леви-Штраус хотел бы стереть грань, отделяющую работы добросовестных буржуазных исследователей от измышлений современных реакционеров. Но одно дело — идеалистические ошибки, другое — прямая фальсификация.

В целом совершенно очевидно, что Мосс вовсе не «предвосхищал» теории и методов современной американской «социальной антропологии», как не «предвосхищали» этих методов и идей виднейшие представители американской этнографии, труды которых явились вкладом в науку. Мосс не потерял основного предмета этнографии — живого общества, народа. Он учил наблюдать и описывать живых людей, их поселения и жилища, одежду и утварь, занятия, семейные и общественные отношения, искусство, развлечения, верования и обряды. Конечно, Мосс не мог правильно определить, что такое общество, понять природу общественных отношений. Это бесспорно. Но если Леви-Штраус считает, что собранные старыми этнографами конкретные факты живой действительности — лишь случайные и разрозненные данные, по которым невозможно характеризовать «социальную структуру» и «модель» общества, то Мосс учит изучать и систематизировать эти данные и делать общие выводы, исходя из них.

В этом отличие Мосса от новейших социологических упражнений, старающихся вымышленными схемами подменить и заслонить живую действительность. Поэтому попытки Леви-Штрауса и Гурвича вывести современную «социальную антропологию» из французской этнографии неправомерны. Эти попытки лишь отражают влияние современной реакционной науки США на небольшую группу французских социологов и этнографов.

Попытки группы Леви-Штрауса — Гурвич представить дело так, будто бы французская этнография вступила на путь слияния с реакционными направлениями современной социологии, развивающимися в США, оказываются тщетными, так как в действительности этнографическая наука во Франции в основном продолжает развиваться своим путем.

Во Франции существует значительная отрасль этнографии, занимающаяся изучением своего народа и своей страны. Солидные работы Альбера Доза, собрания областного фольклора Арнольда Ван Геннепа, а также монографии, исследующие отдельные области, описывают народ и культуру Франции, богатство ее национального гения. После длительного перерыва возобновилось издание журнала, посвященного этнографическому изучению Франции²¹.

Во Франции выходит богатая и разнообразная литература по этнографии народов французских колоний, в том числе и многотомные издания. Так, в 1953 г. вышел первый

²¹ «Nouvelle Revue des Traditions Populaires», Publié sous la direction de Arnold van Gennep, et Henry Poulaille; Arts et traditions populaires. Revue trimestrielle de la Société d'Ethnographie Française.

том «Этнологии Французского Союза», написанный Леруа-Гураном, в котором дается этнографическое описание народов Африки, богатое живым конкретным материалом²².

Французские этнографы ведут большие работы по этнографии Америки, которые возглавляются «Обществом американистов», издающим свой журнал. На трудах крупнейших французских американистов, как и на работах других крупных французских этнографов, вовсе или почти не сказалось влияние реакционной социологии США. Это влияние, повторим, ограничивается небольшой группой этнографов и социологов, которые всячески стараются пропагандировать во Франции идеи реакционной американской социологии.

Французская этнография, как часть исторической науки Франции, накопила большие богатства. Она, разумеется, имеет все данные для дальнейшего развития.

Б. Шаревская и Л. Покровская

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Ю. Липс. *Происхождение вещей*. Пер. с немецкого В. М. Бахта. Редакция и предисловие С. А. Токарева. М., 1954.

Юлиус Липс — прогрессивный немецкий этнограф. В 1933 г. он эмигрировал из фашистской Германии и 14 лет жил в США. В 1948 г. вернулся на родину в Германскую Демократическую Республику, где вступил в ряды Социалистической единой партии Германии. На торжественном акте по случаю избрания его ректором Лейпцигского университета Липс произнес речь в честь Советского Союза, освободителя и друга немецкого народа. Приход Липса в лагерь социализма был логическим завершением его неустанной борьбы против расизма и национального гнета, против социальной несправедливости. Однако этот перелом в научном мировоззрении Липса произошел уже после того, как рецензируемая книга вышла в свет.

Книга «Происхождение вещей» была написана Липсом в Нью-Йорке и вышла там в 1947 г. В 1952 г. она вышла в немецком переводе в Лейпциге. Перевод сделан женой автора Евой Липс (сам Липс умер в 1950 г.). Подробные данные о жизни и научной деятельности Ю. Липса читатель найдет в предисловии редактора русского перевода С. А. Токарева.

На материале отсталых народов всего мира Липс рассматривает в первую очередь явления хозяйства и быта (формы хозяйства, изобретения и ремесла, охотничьи ловушки, средства передвижения, жилище, одежду, украшения, деньги), а также явления культуры в узком смысле этого слова (письменность, школы, общественные развлечения, мифы и сказки, театр). Вопросам общественного строя посвящена одна глава, религии — две (всего в книге 15 глав).

Сосредоточение внимания на условиях материальной жизни народов, широкий охват фактических данных, с привлечением данных и по народам СССР — таковы несомненные достоинства книги. Как правильно отмечается в предисловии, «наша научная и популярная литература, к сожалению, очень бедна сочинениями, которые давали бы общее представление об истории развития... отдельных явлений и сторон культуры, особенно материальной» (стр. 3). Книги Э. Тайлора не могут удовлетворить читателя, так как изложение фактов ведется в них с позиций явно устаревшей ныне идеи культурной эволюции. Общие работы представителей «культурно-исторической» школы не удовлетворяют самым элементарным требованиям и прежде всего требованию научной точности в изложении фактов.

Представители «функциональной» школы, которые столько лет твердили, что культуру надо изучать не по отдельным элементам, а лишь в ее целом, не дали ни одной общэтнографической работы. Что касается общих работ американских этнографов (Боас, Лоуи, Рэдлин, Свантон и некоторые другие), то эти труды представляют собой зачастую простой перечень фактов и не могут удовлетворить читателя, ищущего за фактами их смысл. В таких книгах нагромождение фактов, при отсутствии ясной связи между ними, представляет собой не столько достоинство, сколько недостаток, и невольно заставляет вспомнить о том, что Кребер предсказал этнографии «смерть от ожирения».

На этом фоне книга Липса представляет собой отрадное явление. Липс делает интересную попытку показать явления культуры в их развитии и одновременно раскрыть все многообразие их форм, вытекающее из многообразия тех природных и хозяйственных условий, в которых живут различные народы. Особенно ярко видно это в главах о жилище, одежде, средствах передвижения. Это — лучшие главы книги. К сожалению,

²² A. Lerois-Courhan, *Ethnologie de l'Union Française (Territoires extérieurs)*, Tome premier, Afrique, P., 1953.